

250 р.

Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный складъ М. В. АВЕРЬЯНОВА, Фонтанка 38. тел. 128-55.

Р. 1284744

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ

МІРСКІЯ ДУМЫ

ПЕТРОГРАДЪ

1916

М І Р С К І Я Д У М Ы .

Панси́ти ара́бская.

* *
*

Въ этотъ годъ за святыми обѣднями
Строже лики и свѣчи чадивѣй,
И выходятъ на паперть послѣдними
Дѣтворъ да гурьба матерей.

На завалинахъ рать сарафанная,
Что ни баба, то горе-вдова;
Вечерами же мглица багряная
Поминальныя шепчетъ слова.

Посидѣлки, какъ трапеза братская,—
Платъ по брови, послушнѣй кудель,
Только изрѣдка матеръ солдатская
Поведеть причитаній свирѣль:

„Полетай, моя дума болѣзная,
Дятломъ-птицею въ сырѣ-темень боръ“...
На загуменьи-жъ поступъ желѣзная—
Полуночный Егорьевъ дозоръ.

Ненарокомъ заглянешь въ оконницу—
Видишь въявь, какъ отъ сѣверныхъ водъ
Копьеносную звѣздную конницу
Страстотерпецъ на западъ ведетъ.

Какъ влачить по ночнымъ перелѣсицамъ
Сполохъ-конь аксамитный чапракъ,
И налобникомъ яснымъ, какъ мѣсяцемъ,
Брезжить въ ельникъ, пугаючи мракъ.

* * *

Что ты, нивушка, чернешенька,
Какъ въ нужду кошель пороженшенька,
Не взрастила ты ржи-гуменницы,
А спелегала—къ солнцу выгнала
НеФдякъ-траву, съ горькой пестушкой?

Оттого я, свѣтъ, чернотой пошла,
По омежикамъ замуравѣла,
Что по ведру я не косулена,
Послѣ бѣлыхъ росъ не боронена,
Рожью низовой не засѣяна..

А и что ты, изба, пошатилася,
Съ парежа-угара, аль съ выпивки,
Али съ позднихъ просонокъ разхамкавшись,
Вплоть до ужина чешешь пазуху,
Не запрешь воротъ—рта беззубаго,
Креня въ сторону шоломъ—голову?

Оттого я, свѣтъ, шатуномъ гляжу,
Не смыкаю рта деревяннаго,
Что отъ бѣла дня до полуночи
„Воротись“ воюю доможирщику,
Своему-ль избяному хозяину.
Вопія, надорвала я печени:
Глинобитную печь съ теплымъ дымникомъ.
Видно утушкѣ горькой—хозяюшкѣ
Вѣковать придется безъ селезня...

Ты, дорога-путинушка дальняя,
Ярый кремень да супесь горючая,
Отчего ты, дороженька, куришься,
Обымаешься копотью каменной?
Али дождикомъ ты не умывана,
Не отерта туманомъ-ширинкою,
Али лапотъ съ клюкой-непосѣдою
Больно колютъ стоверстную спинушку?

Оттого, человѣче, я куревомъ
Замутилась, какъ плесо отъ невода,
Что по мнѣ проходили солдатушки
Съ громобойными лютыми пушками.
Идучи, они пѣли: „лебедушку
Заклевать солеталися вороны“,
Другъ со другомъ крестами мѣнялися,
Полагали зароки великіе:

„Постоимъ-де мы, братцы, за родину,
За мірскую Микулову пахоту,
За бѣлицу-весну съ зорькой-свѣченькой
Надъ мощами полѣсій затепленной!..“
Стороною же, рыси лукавѣ,
Хоронясь за бугры да валежины,
Кралась смерть, отмѣчая на хартіи,
Какъ ярыга, досрочныхъ покойниковъ.

Ахъ, ты, ель-кружевница трущобная,
Не чета ты кликушѣ осинушкѣ,
Что отъ хвойнаго звона да ладона
Бьетъ въ ладошки и хнычетъ по-заячьи,
Ты-жъ сплетаешь зеленое кружево
Отъ коклюшекъ рѣсницъ не здымаючи,
И ни мѣсяцъ-проныра, ни солнышко
Не видали очей твоихъ дѣвичьихъ.
Молви, елушка, съ горя, аль съ устали
Ты верижницей строгою выглядишь?
Не топоръ ли тебѣ примерещился,
Печь съ бѣленнымъ, развалистымъ жарникомъ:
Пышетъ пламя, съ таганомъ бодается,
И горишь ты въ печищѣ, какъ грѣшница?

Оттого, человѣче, я выгляжу
Срубомъ-церковкой въ пущѣ забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сынѣ молилася:

Она кликала грозныхъ архангеловъ,
Дѣву-Пятенку съ Теплымъ Николою,
Припадала, какъ къ зыбкѣ, къ валежинѣ,
Называла валежину Ванюшкой;
Послѣ мохъ, словно волосы, гладила
И казала сосцы почернѣлые...
Я покрыла ее епитрахилью,
Какъ умѣла родную утѣшила...
Слезы жъ матери—жито алмазное,
На пролетѣ склевала кукушица,
А склевавши она спохватилася,
Что не птичье то жито, а Божіе...
Я считаю ку-ку покаянныя
И въ коклюшкахъ, какъ въ требникѣ, путаюсь.

НЕБЕСНЫЙ ВРАТАРЬ.

Какъ у кустышка у ракитова,
У колодечка у студенаго,
Не донской казакъ скакуна поилъ,—
Молодой гусарь свою кровь точилъ,
Вынималъ съ сумы полотенышко,
Перевязывалъ раны черныя...
Ужъ какъ девять ранъ унималися,
А десятая, словно варъ кипить...

Съ бѣлымъ свѣтомъ гусарь сталъ прощатися,
Горючьми слезми уливатися:
„Ты прощай-ка, родимая сторонушка,
Что-ль бажоная теплая семеюшка!
Ужъ вы, ангелы поднебесные,
Зажигайте-ка свѣчи мѣстныя,—
Ставьте свѣченьку въ ноги рѣзвыя,
А другую мнѣ къ изголовьцу!
Ты, смеретушка—стара тетушка,
Тише бѣла льна выпрядь душеньку.“

Откуль-неоткуль добрый конь бѣжить,
На конѣ-сѣдлѣ удалецъ сидить,
На немъ жарь-булатъ, шапка-золото,
Съ усть текуть меды—рѣчи братскія:
„Ты признай меня, молодой солдатъ,
Я дозоръ несу у небесныхъ вратъ,
Меня ангелы славятъ Митріемъ,
Преподобный ликъ—Свѣтъ-Солунскимъ.
Обѣзжаю я Матерь-Руссію,
Какъ цвѣты вяжу души воиновъ...
Ужъ ты стань, солдатъ, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель къ солнцу красному.
А оттуль тебѣ мостовичина
Ко маврійскому дубу-дереву,—
Тамъ столы стоятъ неуѣдныя,
Толокно въ меду, блинникъ масленый;
Стежки торныя поразметены,
Сукна красныя поразостланы“.

* *
*

Луговыя потемки, омежки, стога,
На пригоркѣ ракета—сохачьи рога,
Захлебнулась тальянка горючею мглой,
Голосить, какъ въ поминокъ, семья по родной:
„Та-ля-ля, та-ля-ля, ти-ли-ли.
Сѣнокосныя зори прошли,
Августъ-дѣдъ, бородача снономъ,
Подарилъ гармониста ружьемъ.
Эхъ-ма, старый, не грызла-бъ печаль,
Да родимой сторонушки жаль.
Чуетъ мѣдное сердце мое,
Что погубить парнюгу ружье,
Что отъ пули ему умереть,
Мнѣ-жъ поминныя приплачки пѣть!..“
Луговыя потемки, какъ пать;
Будеть съ парня пригожій солдатъ,
Только стогъ-бородачъ да поля
Не услышатъ ночного „та-ля“...

Мѣднымъ плачемъ будя тишину,
Насулила тальянка войну.

СОЛДАТКА.

Скучно молодешенькѣ у свекра жить въ дому,
Мнѣ питье въ досадушку, ѣда не по уму,
Русы мои косыньки повысѣклися,
Бѣлыя руки примозолилися,
Животы-приданое трунь взяла!

Погляжу я, бѣднушка, въ стекольчато окно,—
Не увижу-ль милаго за рядой во торгу.
Ахъ, не торгъ на улицѣ, не красная гульба,
А лежитъ дороженька Коломенская!..

Какъ по этой-ли дорогѣ воевать милой ушелъ,
Издамечка слалъ поклоны, куньей шапкою махалъ,
На поминъ зеленой ивѣ часто вѣтье заломалъ:
„Молъ, пожди меня, сударка, покуль ива зелена,
А какъ ива облетитъ, втымежъ я буду убить,
Меня вѣтеръ отпоетъ, полуночь глаза сомкнетъ,
А поплачуть надо мной воронье съ ковыль-травой!“

МИРСКАЯ ДУМА.

Не гуси въ отлетъ собирались,
Не лебеди на озерѣ скликались,—
Подымались мужики—Пудожане,
Съ заонежской кряжистой Карелой,
Съ каргопольскою дикою Лѣшнею,
Со всею полѣсной хвойною силой,
Постоять за крещеную землю,
За зеленую мать-пустыню,
За березыньку съ вѣщей кукушкой...

Изъ-подъ ели два-десять вершинной,
Отъ сиговья Муромскаго плеса,
Подымался Лазарь преподобный
Ратоборцамъ дать благословенье,
Провѣщать поганыхъ одолѣнье...
Вопрошали Лазаря Лѣшане,
Каргополы, Чудь и Пудожане:

„Источи намъ, Лазаре всечудный,
На мірскую думу сказъ медвяный:
Что помѣха злomu кроволитью
Умъ-хитрецъ, аль пѣсня-межеумка,
Бѣлый воскъ, аль черное желѣзо?“
Рекъ святой: „пятьсотъ годинъ въ колодѣ
Почивалъ я, объ умѣ не тщася,
Смерть моихъ костей не обглодала,
Изъ тѣлесъ не выплавилъ сала,
Чтобъ отлить свѣчу, чей брезгъ бездонный
У умершихъ теплится во взорѣ,
По ночному кладбищу блуждаетъ,
Черепъ на плитахъ выжигая;
А желѣзо проклято отъ вѣка:
Имъ любовь пригвождена ко древу,
Сожалѣнью ребра перебиты,
Простотѣ-же въ міръ врата закрыты.
Бѣлый воскъ и пѣсня-недоумка
Истекли отъ вербы непорочной:
Точить верба восковыя слезы,
И ведетъ зеленый тайный причитъ
Про мужицкій рай, про пиръ вселенскій,
Про душевный градъ, гдѣ „Свѣте тихій“.
И тропарь зеленый кто учуетъ,
Тотъ на тварь обуха не подниметъ,
Не подрубитъ яблони цвѣтушей,
И весломъ бездушнымъ водъ не ранитъ“...

Поклонились Лазарю Лѣшане,
Каргополы, Лопь и Пудожане:
„Сказъ блаженный, какъ баю надъ зыбкой,
Что пѣвала бабка Купариха
У Дедери Храбраго на свадьбѣ“.
Былъ Дедеря лютъ на кроволитье;
Послѣ-жъ пѣсни сталь, какъ лѣсъ осенній,
Сердцемъ въ воскъ, очами въ хвой потемки,
А кудрями въ прожелтъ листопада.

Кабы я не Акулиною была,
Не Пахомовной по батюшкѣ слыла,
Не носила-бъ пятишовки съ галуномъ,
Становицы съ оподольникомъ,
Еще чалыхъ косъ подъ сборникомъ,—
Промѣняла-бы я жарникъ съ помеломъ
На гнѣдого съ плящимъ огненнымъ ружьемъ,
Ускакала-бы со свекрова двора
Въ чужедальщину, гдѣ вражи хутора,
Гдѣ стануетъ бусурманская орда,
Словно выдра у лебяжьего гнѣзда;
Разразила-бы я огненнымъ ружьемъ,
Супротивника съ нахвальщикомъ-царемъ.
„Не хвались-де, снаряжаючись на рать,
На крещеную мірскую благодать,
Лучше выдай-ка за черныя вины
Изъ ордынской государевой казны
На мужицкій полкъ алтыновъ по лубку,
А на бабій чинъ камлоту по куску,
Старикамъ по казинетовымъ портамъ,
Бабкамъ-клюшницамъ по краснымъ рукавамъ;

Еще дитятку Алешенькѣ
Зыбку съ пологомъ алешенькимъ,
Чтобы пологъ былъ исподомъ канифасъ,
На овершы златоризый чудный Спасъ,
По закроткамъ были-бъ рубчаты мохры,
Чтобы чада не будили комары,
Не гусѣло-бъ его платье
Въ новой горенкѣ на матицѣ!“

ПОМИННЫЙ ПРИЧИТЬ.

Покойныя солдатскія душеньки
Подымаются съ поля убойнаго
До подкустья онѣ—малой мошкою,
По надкустью же—мглою столбовитою,
Въ Божьихъ воздухахъ синью мерещатся,
Подаютъ голоса лебединые,
Словно съ озеромъ гуси отлетные,
Съ свято-русской сторонкой прощаются.

У заставы великой, предсолнечной
Входятъ души въ обличіе плотское,
Ихъ встрѣчаютъ тамъ горніе воины
Съ грознокрылымъ Михайломъ архангеломъ,
По три-краты лобзаютъ страдателей,
Изгоняютъ изъ душъ боязнь смертную.
Опосля ихъ ведутъ въ храмъ апостольскій—
По своимъ тѣлесамъ окровавленнымъ
Отстоять поминальную службу.

Править службу имъ Аввакумъ пророкъ,
Чтеть писаніе Златоустъ Иванъ,
Херувимскій ликъ плещеть гласами,
Солнце-колоколъ точить благовѣсть.

Какъ улягутся вѣи сладкіе,
Сходитъ Божій Духъ на солдатушекъ,
Словно теплый дождь озимъ ярую,
Насыщая ихъ брашномъ ангельскимъ,
Горечь бранныхъ дней съ нихъ смываючи,
Раны черныя заживляючи..

На послѣдки же громовникъ Илья,
Со Еремою запрягальникомъ,
Снаряжаютъ имъ ноѣздъ огненный,—
Звѣздныхъ мериповъ съ колымагами,
Отвезти гостей въ преблаженный рай,
Гдѣ страдателямъ уготованы
Веси красныя, избы новыя,
Кипарисовымъ тесомъ крытыя,
Пожни сѣвныя—виноградъ-трава,
Пашни вольныя, безплатежныя—
Все солдатушкамъ уготовано,
Храбрымъ душенькамъ облюбовано.

* *
*

Гей, отзовитесь, курганы,
Клады, сѣдые кремли,—
Злымъ вороньемъ басурманы
Русскій рубежъ облегли!

Чуется волчья повадка,
Рысье мяуканье, вой...
Аль булавы рукоятка
Съ нашей не дружна рукой?

Али шишакъ златолобый
Намъ не по ярую бровь?
Пусть богатырскіе гробы
Кроетъ ковыльная новь,—

Муромцы, Дюки, Потоки
Русь и конныѣ блюдутъ...
Чуръ насъ! Вѣщуньи-сороки
Щокотъ недобрый ведутъ,

Въ сутемень плачутъ гагары,
Заяцъ валежникъ грызетъ,—
Будутъ съ накладомъ товары,
Лютъ на поганныхъ походъ.

Громъ отъ булатныхъ ударовъ
Слаще погудной струны...
Радонежь, Выгово, Саровъ,—
Нашихъ именъ баюны.

Гей, отзовитесь дѣды,—
Правнуковъ мечъ не ослабъ!
Витязю послѣ побѣды
Мѣсто въ свѣтелкѣ у бабъ.

Ждутъ его сусло, что пѣвникъ,
Гребень-шептунъ передъ сномъ,
Въ банѣ-жъ духмянистый вѣвникъ,
Шайка съ рѣзнымъ ободкомъ.

Хата чужбины не плоше,
Къ суслу кто-жъ больно охочъ,—
Съ первой веселой порошей
Зыбку для первенца прочъ.

Яраго кречета раны
Сыну-орлу не въ изьянъ...
Миръ вамъ, сѣдые курганы,
Тучи, сказитель-бурьянъ!

СЛЕЗНЫЙ ПЛАТЬ.

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочекъ,
При дороженькѣ слезный потеряла.
А и дождикомъ плата не мочить,
Подкопытнымъ пескомъ не заносить...
Шелъ дорогой удалый разбойникъ,
На платокъ, какъ на злато, польстился—
За корысть головой заплатился.
Проѣзжалъ посидѣлецъ гостинный,
Потеряжку почелъ за прибытокъ—
Получилъ перекупный убытокъ...
Пробирался въ пустыню калика,
Съ неугасною свѣченькой въ шуйцѣ,
На устахъ съ тропаремъ переходимъ;
На платокъ онъ умильно воззрися,
Величалъ его честной слезницей:
«Ай-же платъ, много въ устье морское
Льется рѣчекъ, да счетъ ихъ извѣстенъ,
На тебѣ-жъ, словно росъ на покосѣ,
Не исчислить болѣзненныхъ слезинокъ!»

Я возьму тебя въ красную келью
Пеленою подъ Гуріевъ образъ,
Буду Гурію-Свѣту молиться
О солдатѣ въ побоищѣ смертномъ,—
Чтобы вражья поганая сабля
При замашкѣ закалъ потеряла,
Пушки-вороны пѣсенной думы
Не вспугнули-бы граемъ желѣзнымъ,
Чтобъ полѣсная яблоня-пѣсня,
Чьи цвѣты плащаницы духмяниѣй,
На Руси, какъ вѣха зеленѣла,
И казада-бы къ раю дорогу!»

РУСЬ.

Не косить дѣтинѣ ноженъ,
Не метать крутыхъ стоговъ,
Кладенецъ изъ красныхъ ноженъ
Онъ новынулъ на враговъ.

Наговорна рукоятка,
Лезвіе—свѣтлѣй луча,
Будеть ворогу не сладко
Отъ мужицкаго меча!

У дѣтины кудри—боры,
Грудь—Уральскіе хребты,
Волга рѣченька—оборы,
Море синее—порты.

Онъ возсталъ за сирыхъ братьевъ,
И, возмездіемъ горя,
Палъ на лысину Карпатовъ
Кладенецъ богатыря.

Можно-бъ вспять, поправши злобу,
Да покинешь-ли одну
Русь Червонную—зазнобу
Въ басурманскомъ полону!

Гоже-ль свадебную брагу
Не въ Бѣлградской гридиѣ пить,
Да и какъ же Дружку—Прагу
Рушиникомъ не подарить!

Дѣду Кіеву похула
Алый краковскій жупанъ...
Словно хворостъ, пушекъ дула
Попираетъ великанъ.

Славься Русь! Краса-дѣвица
Ладъ колечко и фату,—
Ужъ спрядаетъ заряница
Бранной ночи темноту.

Вспыхнетъ день подъ небосклономъ,—
Молодыхъ въ землѣ родной
Всеславянскимъ брачнымъ звономъ
Встрѣтитъ Новгородъ сѣдой!

БЕСЪДНЫЙ НАИГРЫШЪ,

СТИХЪ ДОБРОПИСНЫЙ,

„Его же въ павечернее междучасіе
пѣти подобаетъ, съ малымъ погредомъ
ногтевымъ и суставнымъ“.

*Изъ Отпуска—тайнаго свитка оло-
нецкихъ сказителей скрытниковъ.*

По рожденьи Пречистаго Спаса,
Въ житіе премудрыя Планиды,
А въ успенье Поддубнаго старца,
Не гора до тверди досягнула,
Хлябь здынула каменною плѣшью,
Въ сторонѣ, гдѣ солнышко ночуетъ
На кошмѣ, за пологомъ кумачнымъ,
И гдѣ ночь-горбунья зелье варить,
Чернить косы копотью да сажей,
Подъ котломъ валежины сжигая,
Народилось желѣзное царство
Со Вильгельмищемъ, цѣрнищемъ поганымъ.—
У него ли, нечестивца, войска—сила,
Порядоваго народа—несусвѣтно;
Они вѣруютъ Лютеру-богу,

На себя креста не возлагають,
Великаго говѣнія не правятъ,
Въ Семикъ-день вѣника не рядятъ,
Не парятся въ парной иарушѣ,
Нечистаго духа не смываютъ,
Опосля Удилену не кличуть:
«Матушка ржаная Удплена,
Расчеши солому—золотъ волосъ,
Сдобри бражкой, патокою колосъ»...

* * *

Не сарычъ кричитъ за буеракомъ,
На свѣжѣ дѣтенышей сзывая,
И не рысь прыскучая лѣсная
Въ ночь мяучить, теплой кровью сыта,—
То языкъ злокозненный глаголетъ,
Царь желѣзный пыхаетъ рѣчами:
«Голова моя—умокъ лукавый,
Поразмысли—ты, пораскумекай,
Мнѣ кого-бъ въ желѣзо заковати?
Ожелѣзилъ землю я и воды,
Полонилъ огонь и паръ шипучій,
Вѣтеръ, свѣтъ колодниками сдѣлалъ,
Нынѣ-жъ я, какъ курапотъ въ ловушку,
Свѣтель Мѣсяцъ съ Солнышкомъ поймаю:
Будетъ Мѣсяцъ, какъ пѣтухъ на жердкѣ,
На острожномъ тынѣ перья чистить,

Брезжить зобомъ въ каменные норы
И блюсти дозоры неусыпно!
Солнцу-жь я за спѣсь, за непокорство,
Съ ногъ разую красныя бахилы,
Желтый волосъ, усъ лихой косатый.
Острижу на войлокъ шерстобитамъ.
Съ шеи Солнца бобчатую гривну
Кобелю отдамъ на ожерелокъ,
Поваляю я краснаго спѣсивца
На полати съ бабой шелудивой —
Ровня ль будетъ соколу ворона?“

Неѣдуча солодыга безъ прихлебки,
Два же дѣла безъ третьяго не гожи,
Третье жъ дѣло—гуменная работа.
Выжать рожь на черниговскихъ пашняхъ,
Волгу-матку разлить по бутылкамъ,
Съ питуховъ барыщи загребая,
Съ уха-жь Стенькина славнаго кургана
Сбить литую куяшную шапку,
А съ Москвы, боярыни вальяжной,
Поснимать соболью пятишовку,
Выплестъ съ косъ подбрусникъ златотканный,
Осыпные перстни съ ручекъ сбросить.
На послѣдки-жь мощи Макавея
Истолочь въ чугунной полуступѣ,
Пропустить труху черезъ рѣшета,

И отсѣвкомъ выбѣлить печища,
А поповъ, игуменовъ московскихъ
Положить подъ мяло, подъ трепало—
Лоско-ль будетъ черное мочало!..

* * *

Не медушникъ-двѣтикъ лонить дрема
Па-вечерней сыченой росою,
И не крестъ—кладбищенскій насельникъ,
Словно столпникъ, въ тайну заглядѣлся—
Мать-Планида на Руси крещеной
Отъ страды келейной задремала.
Быль ли сонъ, аль малыя просонки,
Только въявь Планидушкѣ явились
Петръ апостолъ съ Пятенкою-дѣвой.
И рекли святые: «Мать-Планида,
Подъ скуфьей уснувши стопудовой,
За собой и Русь ты усыпила!
Ты вставай-ка, мать, на рѣзвы ноги,
Повѣсти-ка Русь о супостатѣ.
Не бери въ гонцы гуляку Вихря,
Ни сестрицъ Сутемокъ чернокосыхъ,
Ни Мороза съ Зоємъ перекатнымъ:
Вихрю плясь, присвистка да присядка,
Балалайки дробь—всего милѣе,
Недосугъ Сутемкамъ, имъ отъ Бога
Данъ наказъ Зарѣ кокошникъ вышить,

Рыбьи глазки съ зеньчугомъ не спутать,
Корзнымъ стегомъ выпестрить очелье.
У Мороза же не гладки лыжи,
Гдѣ пройдетъ, тамъ насты да суметы,
Въ теплыхъ пимахъ, въ малицѣ оленьей,
На ходѣ морозушко сопрѣветъ,
А сопрѣвъ, по падымъ, по низинамъ
Расплеснется рѣчкой половодной.
Звоняря же Зоя брать негоже,—
Безъ него трущоба—скитъ безъ била,
Зой ку-ку загозье, гомонъ съ гремя
Шаргунцами вѣшаетъ на сучья;
Ввечеру-жъ монашкомъ сладкогласнымъ
Часословъ за елями читаетъ...
Ты прими-ка, матушка Планида,
Во персты отмычки золотыя,
Пробудившись, райскими ключами
Отомкни синь-камень несѣкомый,
Вызволь ты изъ каменной неволи
Паскарагу, ангельскую птицу,
Супротивъ стожарной Паскараги
Бирюча на бѣломъ свѣтѣ нѣту!...“
Отъ словесъ апостольскихъ Планида,
Какъ косачъ въ мошищѣ, встрепенулась,
Круто буйну голову здынула,
Откатила скуфью за Онего.
Курь-горой скуфья оборотилась,

Опушь стала ельникомъ кромѣшнымъ,
А завязка рѣчкою Сорогой...

* * *

Ой, люди крещеные,
Тодико ученые,
Слушайте-внимайте,
На улиду бабъ не пускайте,
Ребятъ на воронецъ
Дочуять пѣсни конецъ,
На лежанку старухъ,
Чтобы голосъ не тухъ!
Господи благослови,
Царь Давидъ помощи,
Иванъ Богословъ
Дай басенькихъ словъ,
Въ подъязычный суставъ
Красныхъ погребцовъ-славъ,
А съ того, кто скупъ,
Выпѣть денежекъ рубъ!...

* * *

Тысчу лѣтъ живетъ Макоша-Морокъ,
Слѣдъ крадетъ, силки за хвоей ставитъ,
Уловляетъ души человѣчи,
Тысчу лѣтъ и Лембѣй пушей правитъ
Осенщину-дань собирая съ твари:

Съ зайца шерсть, буланный пухъ съ лѣшуги,
А съ осины пригоршню алтыновъ,
Но ни кто за тыщу зимъ и весень
Не внималъ налѣву Паскараги!
Растворила вѣщая Планида,
Словно складень, камень несѣкомый,
И залѣла ангельская птица,
О невзгодѣ Русь оповѣщая:

Первый зыкъ дурманнѣй кость дѣвичьихъ
У ручья знобникъ-двѣтъ учуялъ,—
Онъ поблекъ, какъ щеки ненаглядной
На простилахъ съ воиномъ-зазной —
Вѣщій знакъ, что много дроздь пригожихъ
На Руси безъ милыхъ отдѣвчатъ.

Зыкъ другой, какъ трусь снѣговъ поморскихъ,
Какъ булатный свистъ несмѣтныхъ сабель,
Когда кровь, какъ жаръ въ кузнечномъ горнѣ,
Вспучивъ скулы, Ярость раздуваетъ,
И киркою Смерть—кладоискатель
Изъ сраженныхъ души исторгаетъ.

Третій зыкъ, какъ звонъ воды въ купели,
Когда Духъ на первенца нисходитъ,
Въ двадцать лѣтъ дѣтину сыномъ дарить,
Молодицу-жъ—горлинку въ семнадцать.

Водный звонъ учуялъ старпчище
По прозванью Сто Племеньъ въ Единомъ,
Онъ съ полатей зорькою воззрися
И увидѣлъ рати супостата.—
Прогуторилъ старый; „эту погань,
Словно вошь на гасникѣ, лишъ баней,
Лютымъ паромъ сжить со свѣта можно...“
Черпанулъ старикъ воды изъ Камы,
Черпанулъ съ Онеги ледовитой,
И, дополнивъ ковшъ водой изъ Дона,
Три рѣвки на каменку опружилъ.
Зашипѣли Угорскія плиты,
Взмыли паръ Уральскіе граниты,
Валуны Валдая, Волжскій щебень
Наострили зубья, словно гребень,
И, какъ ельникъ, какъ надъ моремъ скалы,
Изъ-подъ камней сто племеньъ возстало...

* * *

Сказенецъ—не бабѣ мотовило,
Послѣсловье-жъ присловьемъ не станетъ,
А на спросъ: „откуль“ да „что въ послѣдки“
Намъ проиграетъ Кува—красный воронъ;
Онъ гнѣздищемъ съ Громомъ помѣнялся,
Чтобъ снести яйцо—мужичью долю.

ПЪСНИ ИЗЪ ЗАОНЕЖЪЯ.

Надеждѣ Васильевѣ
Плевцкой.

* * *

Ахъ, вы цвѣтики, цвѣты лазоревы,
Амоцвѣтнѣй вы красной зорюшки,
Скоротечнѣй вы быстрой рѣченьки!
Какъ на васъ, цвѣты, лють морозъ падеть,
На муравушку бѣлый утренникъ,—
Сгубить зябелъ цвѣтъ, корень выстудить!

Ахъ, ты, дитяtko, свѣтъ-Миколушка,
Какъ дубравный дубъ—ты матеръ-станливъ,
Поглядѣть кому—сердцу завистно,
Да осилить дубъ душегубъ-топоръ,
Моготу твою—штофъ зеленаго!

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ кудрявою свѣтелочка,
Во свѣтелкѣ красны дѣвушки сидятъ,
На кажинной брилантиновый нарядъ,
На единой дочкѣ вдовиной—
Посконь съ сѣрою мѣшковвиной.

Наѣзжали ко свѣтлицѣ соколя,—
Все гостиные купецки сыновья,
Выбирали себѣ женокъ по уму,
Увозили распригожихъ въ Кострому,
Оставляли по залавочкамъ труху—
Вдовью дочь Миколашкѣ-питуху.

* * *

Я сгорѣла молоденька безъ огня,
Безъ присухи сердце высушила,
Ужъ какъ мой-то мужъ недобрый до меня,
Не купилъ мнѣ-ка атласнаго платка,
А купилъ, злодѣй, коровушку—
Непорядную работушку!..

Лучше пудъ бы мнѣ масла купилъ,
Подрукавной муки-бы мѣшокъ,—
Я бы повязь съ япанечкой продала,
На тѣ деньги-бы стряпейку наняла,
Стряпея-бы мнѣ постряпывала,
Я-бъ младешенька похаживала,
Каблучками приколачивала:

Ахъ, вы, красные скрипучи каблучки,
Мнѣ-ка не съ кѣмъ этой ноченькой легчи—
Нѣту дѣда, родной матери съ отцомъ,
Буду ночку коротати съ муженькомъ!

Муженечекъ на перинушкѣ лежитъ,
А меня, младу, на лавочку валить,
Изголовьицемъ ременну плеть кладетъ,
Потничкомъ велить окутаться:

„Ужъ ты спи, моя лебедушка, усни,
Ко полуночи квашонку раствори,
Къ пѣтухамъ парную баню истопи,
Къ утру-свѣту ленъ повыпряди,
Ко полудню вытки бѣлые холсты,
Къ суてменкамъ муженьку сготовь порты,
У портищъ чтобъ были строчены рубды,
Гасникъ шелковый съ кисточкою,
Еще пугвица волжоная..“
Молода жена—ученая.

* * *

Не подъ елю бѣлый мохъ
Изоржавѣлъ и засохъ,

Заростала сохлымъ мхомъ
Пахотинка-черноземъ.

Привелось на грѣхи
Раскосулить бѣлы мхи,

Призасѣять рѣпку
Не часту, не рѣдку.

Выростала рѣпа-медъ
Вплоть до тещиныхъ воротъ...

Глядь, въ осенній рѣпорѣзъ
Воръ на рѣпище залѣзъ.

Какъ на ворѣ тещинъ платъ
Красной вышивкой назадъ,

Подзатыльникъ съ галуномъ...
Неподатливъ черноземъ.

Зять воровку устерегъ,
Побивало поберегъ,

Что-ль гужину во всю спину,
На затылицу батогъ.

Завопила теща-мать:
„Государь—любимый зять,

Погоди меня казнить,
Вели говоръ говорить!

Ужъ какъ я, честна вдова,
Какъ притынная трава,

Ни Ъздокъ, ни пѣшеходъ
Муравы не колыхнетъ,

Потопталъ тимьянъ-траву
Ты на студную молву,

Я за студную бѣду
Дочку-паву уведу!

Ахъ, безъ павушки павлинъ—
Безъ казны гостиный сынъ,

Онъ въ зеленый садъ пойдетъ—
Мелко листье опадеть,

Выйдетъ въ красный хороводъ—
Отшатится весь народъ.

Ему тамова житье,
Гдѣ кабацкое питье,

Гдѣ кружальный ковшъ гремитъ
Ретивое пепелить,

Ронить кудри на глаза
Перегарная слеза!“

* * *

Ахъ, подруженьки-голубушки,
Луговья сѣры утушки,
Вы берите-ка скорешенько
Пялы новыя, точеныя,
Еще иглы золоченыя,
Шелкъ бурмитчатый, наводчатый,
Мелкій бисеръ съ яснымъ золотомъ,
Расшивайте къ сроку-времени
Разузорчатую завѣсу!
На одномъ углу—скради глаза,
Наведите солнце съ мѣсяцемъ,
На другомъ углу—рехнись ума,
Нижте дѣвушку съ прилукою!

Какъ наѣдутъ свать со свахою,
Поѣзжане съ дѣвчимъ выкупомъ,
Разглядятся и раззарятся
На мудрены красны шитицы,
А раззарясь, съ думы выкинутъ
Сватать павушку за ворона,
Ощипать перо лазорево,
Довести красу до омута!

ПѢСНЯ ПРО ВАСИХУ.

Откуль пошло прозвище
Лѣшева Находка,

Кемское преданіе.

Баба Василиста
Хороша, грудиста,
Голова кувшиномъ
Съ носомъ журавлинымъ,
Руки—погонялки,
Ноги—волчьи пляки.
Какъ пошла Васиха
Слободѣ на лихо
Берда наживати,
Самобранку ткати.
Дали ей бердище
По колу зубище...
На повозной парѣ
Ѣхали бояре,
Охобни бобровы,
Сами чернобровы:
„Помогай-тѣ Боже
Вытыкать рогожи!“

Баба Василиста
На языкъ рѣчиста,
Какъ выжлецъ у сала,
Мериномъ заржала.
„Ай, да баба-пава,
Гридняя забава...
Быть тебѣ Васи́ха—
Въ терему ткачихой,
За глумство-отвагу
Трескать солодягу,
За кудель на тынѣ
Окрестить отнынѣ
Красную Слободку
Въ Лѣшеву Находку!“

* *
*

Я ко любушкѣ-голубушкѣ ходилъ,
Голубую однорядку износилъ,
Шубу бѣличью повыволочилъ,
Коробейку мелкихъ денегъ издержалъ,
Разлюбезной воркованьемъ докучалъ;
Я куплю тебѣ гостинецъ—скатну нить,
Буду баско оболоченой водить.
Разлюби ты дегтегона-лѣсника,
Лаптевяза, да Мирона-рѣзчика,
Не подмигивай торговому въ ряду,
Не обранивай платочка на ходу,
Протопопу бѣмой ручкой не маши,
Не заглядывай въ рыбацьи шалаши,
У калачника не мѣшкой въ куреню,
Не давай овса гонецкому коню,
На гонца крутую бровь не наводи,
Чтобы сердце не кровавилось въ груди!
У гонца не застолая душа,—
Въ торбѣ ложка и походная лапша.

Онъ тебя за бѣлаяровый овесъ
Доведеть до неумныхъ горькихъ слезъ,
Что-ль до зыбки—непотребнаго лубка,
До отцовскаго глухого кулака,
Будеть зыбочка поскрипывать,
Красна дѣвушка повздыхивать!

* *
*

Меня матушка будить спозаранья,
Я поздешенько, дѣвушка, встаю;
Покуль бѣлое личко умываю—
Мнѣ изюмный калачикъ испечень,
Покуль въ цвѣтное платье обряжаюсь,
Мнѣ-ка чарочка меду подана,
Пока медомъ калачикъ запиваю,—
На работу подруженьки уйдуть...
Отъ крестьянской работки-рукодѣля
У подруженекъ рученьки болятъ,
Болятъ спинушка съ буйной головою,
Ретивому сердечку тяжело...
Мнѣ-жъ едина работушка далася —
Шить наводы по алому сукну.
Ахъ, съ сидѣнья, съ дѣвичьяго бездѣлья
Сиолюблю я удаля паренька, —
Съ распригожимъ не будетъ дѣвкѣ тошно
До замужества время коротать,—

До того ли замужества-разлуки,
До проклятаго бабьяго житья!
Распроклятое бабье жированье,
Расхорошее дѣвичье житье:
Ужъ я высплюся дѣвушкой досыта,
Нагуляюся красной до любви.

ПѢСНЯ ПОДЪ ВОЛЫНКУ.

Какъ родители-разлучники,
Да женитьба подневольная
Довели удала молодца
До большой тоски-раздумьца!

Допрежь сердце соколиное
Черной немочи не вѣдало,—
Я на гульбищахъ погуливалъ,
Шапки старостѣ не ламывалъ.

А тепереча я—молодецъ,
Словно птаха-конопляница,
Что по зорькѣ летъ направивши,
Птицелову въ сѣть сгодилася.

Какъ лихіе пути пташицу,
Такъ станливаго молодчика
Завязала и запутала
Молода жена-приданица.

СТИХЪ О ПРАВЕДНОЙ ДУШѢ.

Жила душа свято, праведно,
Во пустынь душа спасалася,
Въ листвіе нага одѣвалася,
Во бересто боса обувалася,
Притулья-жилья душа не имала,
За застольнымъ брашномъ не сиживала,
Куса въ соль не обмакивала.
Утредила душа тѣло бѣлое
Что-ль до туги-издыханія смертнаго,
Чаяла душа, что въ рай пойдетъ,
А пошла она въ тартарары.
Закрючили душеньку два огненныхъ пса,
Учили душеньку во уста лакать...
Калыгеря-бѣсъ да бѣсъ-ѡдунъ
Къ Сатанѣ пришли съ судной хартіей...
Надѣвалъ Сатана очки геенскіе,
Садился на стуло костеножное,
Сталъ житіе души вычитывать:

Трудилась душа по-апостольски,
Служила душа по-архангельски,
Воздыхала душа по-Адамову—
Мукой мучиться душѣ не за что.
А и въ чемъ же душа провинилася,
Въ грабежѣ-ль, во разбоѣ поножевничала,
Мостовую ли гривну утаивала,
Аль чужіе силки оголаживала,
Аль на уду святъ артосъ насаживала?
Не повинна душенька и въ сихъ грѣхахъ...
А какъ была душа въ плоти-живности,
Что-ль семи годковъ безъ единого,
Такъ въ Страстной Пятокъ она стреснула,
Не покаившись, глупышъ масленый...
Не суди насъ, Боже, во многомъ,
А спаси насъ, Спасе, во маломъ.

Аминь.

ИВУШКА ЗЕЛЕНЕНЬКА...

Ивушка зелёненька—
Дѣвушка молоденька.
Стали иву ломати—
Дѣвку замужь отдавати.
Красна дѣвушка догадалась,
Въ нову горницу, свѣтъ, кидалась:
„Ахъ, ты, горенка—свѣтлая сидѣльня,
Миѣ-ка понева не до рукодѣля,
А еще не до смирныхъ бесѣды!
Ахъ, вы, пялы мои золочены,
Ворота-ли вами подпирати?
Вы шелки мои—бобчаты пояся,
По сугорамъ-ли васъ разстилати?
Ужъ вы плящія, ярыя свѣчи,
Темны корбы-ли вами палити?
Ты согрѣва—муравчата лежанка,
Не смолой-ли тебя растопити?“

Отвѣчала лежанка-тѣлогрѣйка,
Она рѣчью крещеной человѣчей:
„Лучше-бъ тебѣ, дѣвушкѣ, родиться
Во сыромъ болотѣ черной кочкой,
Чѣмъ не милу сапогъ разувати,
За онучею гривну искати,
За нее лиходѣя цѣловати!“

ПРОСЛАВЛЕНИЕ МИЛОСТЫНИ.

Пѣсня убогаго Пафнутьюшки.

Не отказна милостыня праведная,
На поминь души родительской
По субботнимъ днямъ подавана
Нищей братьи со мостинами...
А убогому Пафнутьюшкѣ
Дань помпнный кусъ въ особицу.

Какъ у куса нутра ячневы,
Съ золотой наводной корочкой,
Ужъ какъ творень кусъ на патокѣ,
Испечень на росномъ ладонѣ,
А отмякъ кусокъ подь образомъ,
Бѣлымъ воздухомъ прикутанный...
Спасеть Богъ, возблагодарствуетъ
Кормящихъ, поящихъ,
Одѣвающихъ, обувающихъ,
Тепломъ согрѣвающихъ!

Милостыня сота—
Будеть душенькѣ вольгота;
Хозяину въ дому,
Какъ Адаму во раю,
Дѣтушкамъ въ дому,
Какъ орѣшкамъ во меду!
Спасеть Богъ радѣтелей,
Щедрыхъ благодѣтелей,
Аверкій—банный согрѣватель,
Душъ и тѣлесъ очищатель,
Сесентій—калужникъ,
Олексій—пролужникъ,
Всѣ святые съ нами
Въ ипостасномъ храмѣ.

Аминь.

* * *

На селѣ четыре жителя,
Нѣтъ у дѣвки уважителя,—
Какъ у Власа-то савраса борода,
У Никиты носъ подбитый завсегда,
У Савелья отъ бездѣля чернота,—
Не выводится дыгарка изо рта,
У Ипата кудревата голова,
Да пронесена недобрая молва:
Будто ночью Ипатушка
Загубилъ свою разлапушку,—
Вышибалъ ей печень черную,
За повадку непокорную,
За орѣхи, за изюмные стручки,
За ручные мелкотравчаты платки,
На платочкахъ красны литеры—
Подарилъ купецъ изъ Питера...

Кабы я Ипату любушкой была,
Не такое-бы безчестье навела,
Накурила-бы вина позеленѣй,
Напекла-бы колобовъ погорячѣй,
Угостила-бъ супостата—миляша,
Чтобы вышла изъ постылаго душа!...

Ахъ, тальянка мѣдноборчатая,
Голосистая, узорчатая,
Выдай погрецы дѣтинушкѣ—
Ласкослову сиротинушкѣ,
Чтобы дѣвку не сушила сухота,
Безъ жадобнаго не сгибла-бъ красота,
Не палила-бъ мои кречетъи глаза
Неумная капучая слеза!

СКРЫТНЫЙ СТИХЪ.

По крещеному Бѣлому Царству
Пролегла великая дорога,
Протекла кровавая пучина—
Есть проходъ лихому человѣку,
Что-ль проѣздъ ночному душегубу.
Только нѣту вольнаго проходу
Тихомудру Божью пѣшеходу
Какъ ему—Господню—путь засѣченъ,
Заваленъ проклятымъ Чернымъ Камнемъ.

Изъ тысячъ олонейскихъ скрытниковъ.

Не осенній листь падья-падетъ,
Не березовый на земь валится,
Не костеръ въ бору по моховищамъ
Стелеть саваномъ дымы-пажегу,—
На Олонь рѣку, на Сѣкирь гору
Соходилася нища братія.—

Какъ Верижники съ Палеострова,
Возгорѣльщики съ Красной Ягремы,
Солодьяжники съ рѣчки Андомы,
Крестоперстники съ Нижней Кудамы,
Толоконники съ Ершеѣдами,
Бѣгуны-люди съ Водохлебами,
Всяка сборица-Богомольщина:
Становилася нища братія
На великъ камень, со котораго
Бѣль плитнякъ плитять на могилица,
Опосля на немъ—внукамъ памятку—
Пишуть теслами годъ родительскій,
Чертять прозвище и изочину,
На суклинъ щербять кость Адамову...

Не косачь въ силкѣ ломить шибанки,
Черный пухъ роня, кровью капая,
Не язвецъ въ норѣ на полѣсника
Смертнымъ голосомъ кличетъ Ангела,—
Что-ль звѣринаго добра пѣстуна,—
Братья-старища свиховалися,
О булыжину лбами стукнули,—
Уху Спасову вѣстку подали:
«Ты, Пречистый Спасъ, Саваоѳовъ Сынъ,—
Не поставь во грѣхъ воздыханія:
Али мы Тебѣ не служители,
Нищей лѣпоты не рачители,

Не плакиды мы, не радѣльщики,
За крещеный мѣръ не молеельщики,
Что нашло на насъ время тѣсное,
Негдѣ нищему куса вымолить,
Малу луковку во отишьи съѣсть?—
Во посадѣ идти,—тамъ табашники,
На церковный дворъ,—все щепотники,
Въ поле чистое,—тамъ Желѣзный Змѣй,
Ко синю морю,—въ морѣ Чудище!

Желѣзнякъ летитъ, какъ гора валитъ,
Юдо водное Змѣю побратень:
У нихъ зракъ—огонь, вздохи—торопы,
Зубъ—литой чугунокъ, печень мѣдная—
Запропасть отъ нихъ Божью страннику,
Звѣрю, итичинѣ на убой пойти,
Умною рыбицѣ въ глубину спляснуть!»

Покуль старица Спасу плакались,
На кажину тварь легота нашла:
Скокнулъ заюшка изъ-подъ кустышка,
Вышелъ журушка изъ болотины,
Выдра съ омота на земь вылѣзла,
Лещъ по заводи пузыри пустилъ,
Ель на маковкѣ крестъ затеплила.
Какъ на озерѣ Пододонница,
Зелень косъ чеша, гребень выронить,

И пойдетъ стозвонъ по зажинамъ,
Черезъ гатища, до матерыхъ людъ,
Гдѣ судьба ему въ прахъ разсыпаться,
Засинѣть на днѣ яримъ жемчугомъ,—
Такъ молеельщикамъ Гласъ почувался:
«Погублю Умъ Зла Я Умомъ Любви,
Положу препонъ силѣ Зміевой,
Проращу въ аду рощи тихія,
По землѣ пушу воды сладкія,—
Чтобы демоны съ человѣками
Перстнемъ истины обручились,
За однимъ столомъ преломляли-бъ хлѣбъ
И съ однихъ древесъ плодъ вкушали бы!..»

Старцы Голосу поклонилися,
Обоюдный трудъ взяли въ размыселъ:
Отшатиться имъ на крещену Русь,—
По дугамъ идти—муравы не мять,
Во лѣса ступить—звѣрю миръ нести,
Не держать огня, трута съ плоткою,
Что-ль того ножа подорожнаго,
Когда Гремь гремитъ, Торопъ съ Вихоремъ
Въ грозовомъ бою ломаютъ палицы,
Норовятъ сконать Птицу-Фіюса,
Вьюжный пухъ съ нея снѣгомъ выперхатъ,
Кровь зарѣ отдать, гребень—сполоху,
А посмертный грай волку сѣрому,—

Втымежь пахарю тайнъ не сказывать.
Имъ тогда вести рѣчи вѣщія,
Когда солнышко засутемится,
И черница-темь сядетъ съ пяльцами
Подъ оконце шить златны воздухи,—
Чтобъ въ простыхъ словахъ бранный громъ гремѣлъ,
Въ малыхъ присловьяхъ буря чуялась,
Въ послѣсловіи-жъ клекоть коршуна,
Какъ душа въ груди, ясно слышался,—
Чтобъ позналась мочь несусвѣтная,
Задолѣло-бы гору въ пястку взять,
Сокрушить ее, какъ соломину.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

<i>Мірскія Думы.</i>	СТР.
Въ этотъ годъ за святыми обѣднями... . . .	7
Что ты, нивушка, чернешенька...	9
Небесный вратарь	13
Луговые потемки, омежки, стога...	15
Солдатка	16
Мірская Дума	17
Кабы я не Акулиною была...	20
Поминный причить	22
Гей, отзовитесь, курганы...	24
Слезный платъ	26
Русь	28
Бесѣдный наигрышь	30

<i>Пѣсни изъ-за Онежья.</i>	
Ахъ, вы двѣтики, двѣты лазоревы...	41
Я сгорѣла, молоденька, безъ огня...	43
Не подь елю бѣлый мохъ...	45
Ахъ, подруженьки-голубушки...	48
Пѣсня про Васиху.	49
Я ко любушкѣ-голубушкѣ, ходилъ...	51
Меня матушка будить спозаранья...	53
Пѣсня подъ волюнку	55
Стихъ о праведной душѣ	56
Ивушка зелененька...	58
Прославленіе милостыни	60
На селѣ четыре жителя...	62
Скрытый стихъ	64
